

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА/THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.5>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ШЕКСПИРА В МИРОВОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Научная статья

Пугачева Е.Ю.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0000-7708-3180;

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (elena_pugacheva218[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются средства формирования лингвокультурного образа Шекспира. Выявление исторических сведений о персоне и сопоставление их с интертекстуальными вкраплениями в поэтическом дискурсе формирует объективный дельта-образ. Алгоритм исследования включает комплекс методов: этимологический, дефиниционный, интертекстуальный, семантический. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что концепты, выраженные именами собственными, являются автосемантическими и не локализованными ни во времени, ни в пространстве, что технически выражается за счет аккумуляций и иррадиаций. Теоретическая значимость исследования связана с развитием теории информации, семиотики, ономастики, декодирования текста и возможности рецептивного сотворчества для лучшего понимания оригинальных авторских текстов.

Ключевые слова: имя собственное, интертекст, комментарий, лингвокультурный образ, поэтический дискурс, Шекспир.

THE LINGUOCULTURAL IMAGE OF SHAKESPEARE IN GLOBAL POETIC DISCOURSE

Research article

Pugacheva E.Y.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0000-7708-3180;

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (elena_pugacheva218[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the means of forming the linguocultural image of Shakespeare. Identifying historical information about the person and comparing it with intertextual references in poetic discourse forms an objective delta image. The research algorithm includes a set of methods: etymological, definitional, intertextual, and semantic. As a result of the research, it was concluded that concepts expressed by proper names are autosemantic and not localised in time or space, which is technically expressed through accumulations and irradiations. The theoretical significance of the research is related to the development of information theory, semiotics, onomastics, text decoding, and the possibility of receptive co-creation for a better understanding of original authorial texts.

Keywords: proper name, intertext, commentary, linguocultural image, poetic discourse, Shakespeare.

Введение

"Nobody knows anything about Shakespeare the person."

It's all legend, it's all rumour"

J. Winterson [11, P. 30]

"He was not of an age, but for all time"

B. Jonson [11, P. 30]

*"Шекспир всегда будет любимцем поколений,
исторически зрелых и много переживших..."*

Б. Пастернак [9, С. 9]

Личность Шекспира, как и его творчество, неизменно вызывает интерес представителей разных наук: литераторов и литературоведов, историков, драматургов, режиссеров, лексикологов, культурологов, художников, театралов и т.д. На протяжении столетий они пытаются разобраться в концепте, имя которому Шекспир. В предпринятом исследовании предлагается взглянуть на образ Великого драматурга с позиций поэтического дискурса.

Новизной предлагаемого подхода к изучению данного феномена можно указать несколько факторов:

1) Шекспир выступает важной творческой личностью, которая репрезентирует не отдельное литературное направление, но выступает культурным символом Великобритании;

2) Шекспир признан неоднозначной исторической персоной: малоизученной с бытовой точки зрения, но актуализирующей воображение мировой общественности, пытающейся представить Поэта в современных реалиях;

3) многогранность творческого наследия Шекспира не оставляет ни одного аспекта жизни человечества без внимания, что отражается и в произведениях о нем самом (отметим их весьма упорядоченную систему в поэтическом дискурсе в отличие от обрывочности достоверных фактов о поэте);

4) Шекспир представляет собой своеобразное «мерило» с одной стороны отношения людей к поэзии, с другой стороны — поэзии в отношении людей;

5) первостепенное значение в изучении образа Шекспира заключается в приобщении молодого поколения изучающих английский язык и культуру к комплексности работы над целостным поэтическим текстом, обеспечивающим наиболее полное его понимание.

Именно с обращения к личности Писателя, его биографии начинается раскрытие смысла его произведений, закладывается более живое их восприятие, углубляется интеракция с многими поколениями ищущих истину. Каким видят Шекспира поэты, выросшие на его произведениях: как воплощение недостижимого идеала, как строгого учителя, безмолвного критика или вдохновителя?

Методы и принципы исследования

Цель предпринятого исследования — компилировать лингвокультурный портрет Барда на основе стихотворений, в которых звучит его имя. Материалом исследования послужили стихотворения М.П. Холла [3], Е.Ю. Пугачевой [6], С.Я. Маршака [9], W. Соре [9], Л. Марш [13], Г. Тукая [14]. Принадлежащие разным цивилизациям и культурам, вероисповедованиям и уровням образования, возрастам и расам, авторы выражают потрясающую консолидацию мысли. Объект исследования — поэтический дискурс, содержащий интертекстуальные отсылки к указанному поэту. Предмет исследования — лингвистические средства, вербализующие особенности человеческой личности и творческой индивидуальности Шекспира.

Алгоритм действий, способствующий достижению поставленной цели, предполагает решение следующих взаимозависимых задач:

- 1) методом этимологического анализа проследить истоки фамилии автора, как первый сигнал о его роде;
- 2) методом словарных дефиниций обозначить радиус семантического потенциала имени знаменитого поэта;
- 3) методом сплошной выборки определить набор текстов (интертекстуальный радиус), включающих отсылки к интересующей нас Личности;
- 4) методом стилистического анализа произвести подробный разбор произведений, чтобы выявить значимые черты лингвокультурного образа Шекспира;
- 5) методом дедукции составить дельта-образ — как вневременной комментарий — выделенной Персоны в мировом поэтическом дискурсе.

Основные результаты

Обращение к концепту с ядерным компонентом, выраженным именем собственным «Шекспир», может реализовываться совершенно разноуровневыми средствами: на уровне фонетики — каламбурами; на уровне грамматики — за счет инклюзивности местоимений и неизменного настоящего времени предикации, здесь нет места сослагательности, что свидетельствует в пользу состоятельности самого феномена Шекспира. Поэты в нем не сомневаются в отличие от историков. На уровне лексики концепт реализуется за счет разнородных эпитетов, метафор, амплифицирующих многие номинативные компоненты, выталкивая их в ряд смежных концептов, таких как «Театр», «Тюдор», «Мессия», «Воин», «Ребенок», «наивность» и т.д.

Во все поэтические произведения изученные нами тесно вплетена человеческая Личность, при анализе которой центральным инструментом должно выступать глубокое понимание ценностей человечества, поскольку основным контекстом таких текстов-комментариев выступает жизненный, исторический, идейный, общекультурный и эмоциональный опыт Эпохи.

Обсуждение

Имена собственные появляются в тексте произведений «пустыми»: автор намеренно оставляет эти слоты «открытыми», чтобы по мере развертывания текста они наполнялись нужными деталями, свойствами, ассоциациями. Этот удивительный языковой знак — имя собственное — указывает на конкретный объект, но при этом может обозначать целый спектр одноименных референтов. В изолированном состоянии, если не вдаваться глубоко в этимологию, имя собственное может быть лишено характеризующей силы; однако погружение в затекстовое пространство может внести релевантный пласт семантического багажа при его дальнейшем развертывании.

Фамилия изучаемой Личности состоит из двух слов, двух имен нарицательных: *Shake* и *speare*, что в совокупности означает «потрясать копьём». Это словосочетание может ассоциативно быть связано с образом рыцаря-революционера; можно усмотреть связь с образом Георгия Победоносца, который копьём поражает змея, несущего разор и раздор в стан человечества. Знаменитый переводчик наследия Шекспира на русский язык С.Я. Маршак (1887 – 1964) пишет:

*Я перевел Шекспировы сонеты.
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты.
Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: потрясай копьём.
Три сотни раз и тридцать раз по три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила,
Свергались троны, падали цари...
А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе [9, С. 42–43].*

Стилизованный сонет Маршака начинается с упоминания имени Шекспира. Как известно, начало и конец поэтического текста — самые сильные его позиции, фокусирующие и фиксирующие читательское внимание. В представленном стихотворении рекуррентность обращения к имени прославленного английского писателя составляет 8 раз: ономастически, перифрастически, метонимически и за счет местоимений. Фактически, имя поэта становится и наиболее повторяемым семантическим компонентом, и концептуализирующим аспектом всего произведения.

Тема зачина создает своеобразный «мост» между сознанием познающего и духовными ценностями культуры: «скромный» труд переводчика помогает всему человечеству стать восприимчивыми «славного», «старого», «гордого» стиха, принадлежащего перу «защитника свободы, правды, мира». С самого начала формируется антитеза, противопоставляющая оригинал интерпретациям на разных языках, поддерживаемая рядом эпитетов. При дальнейшем анализе текста выделяется более глубокая, едва различимая на поверхности, тема, создаваемая семантическими повторами — тема борьбы. О ней свидетельствуют такие ЛЕ, как «соратник», «потрясай копьём», «свергались троны», «падали цари». Именно в этой тонко проявленной теме звучит тема объединения человечества под эгидой Шекспира, соответствующей образу рыцаря-революционера.

На этом основании выстраивается аллюзия на одноимённые произведения А.С. Пушкина (1826 г.) и М.Ю. Лермонтова (1841 г.) «Пророк»: порицаемые, поэты тем не менее продолжают верить в универсальные столпы истины и утверждать их. Примечательно, что художественные образы пророков имеют обязательный атрибут — посох. Метафорически считалось, что посох (знания) — это опора человечества при работе над своим животным началом; это символ власти над собой. И только те, кто смогли перебороть себя становились обладателями копья, то есть власти над себе подобными [4, С. 337]. Получается, что Шекспир предстает перед читателем в трех ипостасях:

1. Рассказчика (об этом свидетельствует актуальность поднимаемых в его творчестве тем).
2. Проповедника общих культурных ценностей (об этом свидетельствует местоимение *мы*-инклюзивное).
3. Властителя, протягивая сквозь времена вневременные идеи (об этом свидетельствуют глагольные формы «служил и служит», апозиопезис).

Таким образом, реципиенты втягиваются в Дело, которому посвятили свои жизни Избранные.

Идея об ответственности и причастности всех и каждого ко всему, что происходит в мире всегда являлась движущей силой гуманистической борьбы прогрессивных людей. Д.С. Лихачёв приходит к выводу, что «прогресс в искусстве есть прежде всего прогресс восприятия, позволяющий искусству поднимать человечество на новую ступень благодаря расширению возможностей сотворчества, ассимиляции произведений различных культур, искусств, народов и самим ответным действием воспринимающего лица, творчески откликающегося действием на произведение искусства» [1, С. 204]. Следовательно, одной из самых ярких черт лингвокультурного образа «Страдфорского лебедя» является его вневременной характер, его Мессийская способность объединять, готовность встать под знамена в борьбе за правое дело. В завершении анализа этого стихотворения стоит отметить, что оно не имеет четких пространственно-временных границ: так же, как и его пророчества, оно распространяется на все времена (в том числе и в буквальном грамматическом контексте), языки и точки земного шара.

Неудивительно, что имя Shakespeare представлено во всех словарях как важная лингвокультурологическая статья [12, С. 1235]. В ней указывается, что Шекспир — сын ремесленника из Стратфорда, рано заведший семью, затем переехавший в Лондон, где стал драматургом, актером и пайщиком театральной группы. Он — автор многочисленных сонетов и трагедий (“Romeo and Juliette”, “Hamlet”, “Macbeth”), комедий (“A Midsummer Night’s Dream”, “Twelfth Night”, “As you Like It”), исторических произведений (“Richard III”, “Henry V”, “Julius Caesar”). Примечательно, что перечисленные произведения становятся самостоятельными прямыми отсылками к Поэту посредством метонимического переноса. Эта удивительная черта позволяет утверждать, что имя Шекспира реализуется как «зонтиковый концепт» (термин Е.С. Кубряковой), способном раскрываться посредством межтекстовых отсылок. Обратим внимание, что сами титулы указанных произведений являются собой имена собственные исторических персонажей, что свидетельствует о широкой осведомленности поэта. Но как сын перчаточника смог получить такое серьезное образование?

Историки утверждают, что без посторонней помощи Уильям не мог написать все то, что было напечатано под его именем, поскольку не обладал для этого необходимой литературно-культурной компетенцией [6, С. 641]. Город Стратфорд имел лишь скромную сельскую школу, в которой будущий Драматург не мог получить знания, отраженные в указанных сочинениях. Однако в поэтическом дискурсе в творчестве английской писательницы В. Коуп встречаем иной образ Шекспира:

*Forty boys on benches with their quills
Six days a week through almost all the year,
Long hours of Latin with relentless drills
And repetition, all enforced by fear.
I picture **Shakespeare** sitting **near the back**,
Indulging in a risky bit of fun
By exercising his **prodigious knack**
Of thinking up an **idiotic pun**,
And whispering his gem to other boys,
Some of whom could not suppress their mirth —
Behaviour that unfailingly annoys
Any teacher anywhere on earth.
The fun was over when the master spoke:
«**Will Shakespeare** come up here and share the joke?»*

[11, С. 31].

В представленном стихотворении имя Шекспира встречается дважды: в кульминации повествования и в самом конце, где оно подвергается выдвиганию несколькими способами: сменой субъекта речи и каламбуром. «Will» в обращении Учителя одновременно считывается и как вспомогательный глагол, и как сокращенное имя парня. Ономастически эта шутка могла принадлежать перу самого Поэта. О склонности к языковой игре Шекспира указывается многими исследователями его творчества: «Эффект заключительного куплета состоит в том, что он подытоживает тему, часто открывая новый, неожиданный поворот в ней, меняет эмоциональное отношение, показывает все в новом свете и разрешает конфликт» [1, С. 236]; «Указанная игра слов создает не только амбивалентность прочтения, но и актуализирует информативный вес слова» [5], [9, С. 58, 60, 74, 82, 94].

Автор поэтической юморески представляет живого, остроумного парня, с ранних лет демонстрировавшего замечательное чувство юмора, что являет собой отличительную черту англичан. Но рождается эта способность от неспособности изменить неприятное, описанное в экспозиции бытие, понятное каждому школьнику — муштра, натаскивание, тренировка. Об этом красноречиво свидетельствуют вынесенные в инверсию обстоятельства времени, которые к тому же подчеркнуты аллитерационно: *Six days a week through almost all the year, Long hours of Latin with relentless drills And repetition*. Конвергированно и эпитеты всех видов, и плеоназм, и капитализация (хотя это, скорее, особенность именно поэтического дискурса начинать каждую строку с заглавной буквы), и факт использования средств иной сигнальной системы — числительных (40, 6) в совокупности создают удивительный эффект сплетения разноуровневых стилистических средств, позволяющий установить флагманскую тему стихотворения: тема счастливого, беззаботного детства Поэта (а с ним и каждого из нас), дни, проведенные за партой, в радостном единении с братством единомышленников.

Но это не просто рассказ о детстве, это — светлые воспоминания и философские рассуждения взрослого человека о том, из чего формируется настоящий талант. Отсутствие страха, умение высказываться от собственного «Я», не прячась за спины, способность найти развлечение в серых буднях, креативность в выражениях на злобу дня. При этом сам Шекспир собственной речевой партии в стихотворении не имеет, но авторский комментарий того, как он видит этого школьника вырисован красочной палитрой: *sitting near the back, Indulging in a risky bit of fun, prodigious knack Of thinking up an idiotic pun, And whispering his gem to other boys*.

Примечательно, что каждый автор стихов о Шекспире (так же, как и он, по их мнению) не скрывает собственное «Я». Напротив, они открыто демонстрируют умозрительный контакт с драматургом, как если бы тот был живым. Именно поэтому В. Коуп (как и С. Я. Маршак) избрала грамматический фон настоящего времени: школьные годы формируют общий тезаурус всех, прошедших этот путь.

Соотношение главной темы изучаемого стихотворения и личного опыта реципиентов всегда целенаправленно. В данном случае идет сокращение временной и географической дистанции между ними (*anywhere on earth*), несмотря на ее протяженность в веках и километрах. Хотя для воспринимающих этот текст современников само наличие авторского комментария, как текстового, так и подтекстового, состоит в подчеркивании некоторой дистанции, посредством чего автор также передает отношение к описываемому: малое, как известно, видится издалека.

Подтекст «сидения на задней парте» снова создает игру слов: с одной стороны он включает сему «хулигана-заводилы», «двоечника», а с другой — на этом же месте сидят «рядовые члены Парламента». Кто знает, как могла бы обернуться судьба Поэта, не стань он Драматургом? Так или иначе для выживания собственной театральной труппы он смог разобраться в политике и привлечь к своему творчеству многих знаменитых персон своего времени, например, правящих Тюдоров.

Именно с творчеством Шекспира связывается столь активное продвижение театрального искусства в английском обществе 16 века. Королева Елизавета и ее Двор любили посещать модные постановки, поскольку они неизменно отвечали злобе дня (как и отпускаемые им в детстве шутки) [10, С. 126]. Более того, наподобие линзы, его перформансы масштабировали проблемы того общества до размеров, необходимых для предпринятия регламентирующих действий, то есть служили рупором правды в условиях ограниченности цензуры. Призыв учителя-цензора поделиться шуткой, метафорически называемой «самородком» (*gem*), говорит о Шекспире как о представителе той категории учеников, которым едва ли нужно наставничество. Оно может, скорее, загубить талант, чем культивировать его.

Сомнения, мог ли стратфордский Шекспир быть автором известных всему миру пьес, или под его именем скрывался некий образованный аристократ елизаветинской эпохи, хорошо отражены в язвительных ирландских лимериках. Известно, что на авторство Шекспировских пьес в разное время выдвигались такие кандидаты, как графы Оксфорд и Ратленд, Елизавета I, писавшая стихи, но наиболее частотной отсылкой признается философ Ф. Бэкон [3, С. 641]:

Some amateur players, most brave,
A performance of Hamlet once gave.
Said a wag, 'Now let's see
If it'd Bacon or he –

I mean Shakespeare – who's turned in his grave' [13, С. 53].

Для декодирования текста лимерика выявим лексические единицы (далее — ЛЕ), относящиеся к одному концептуальному полю с ядерным компонентом «Шекспир». Сюда относятся театральные ЛЕ *players, performance, Hamlet, Bacon, Shakespeare*. Выдвижение этих компонентов реализуется на нескольких уровнях:

- 1) синтаксическом за счет инвертированных и ретардированных эпитетов;
- 2) интертекстуальном за счет привлечения имен собственных с их уникальным затекстовым содержанием;
- 3) грамматическом за счет смены субъекта речи;
- 4) пунктуационном.

При разборе третьего поэтического стихотворения вырисовывается закономерность: само имя поэта всем известно, как и названия его произведений, но скромная персона живого человека уходит на второй план; ему ни разу не дали слова. Прямая речь (что тоже важно, вынесенная в самую сильную позицию произведения) принадлежит то учителю, то остряку из публики, то переводчику. И здесь происходит фокус (в обоих смыслах) переворачивания ситуации: Шекспир, как фокусник, показывает нам зеркало, выступая, точнее, отражая наше к нему отношение в его собственном зеркале. Он заставляет своего реципиента ставить вопросы, сомневаться, искать истину, чей конкретно образ скрывается между строк: Шекспира или Бэкона?

Философские идеи в пьесах Шекспира, глубина его произведений отчетливо демонстрируют отпечаток такого величия, которое присуще лишь просвещенным этого мира. Отец современной науки, законодательства, редактор Библии, патрон современной демократии Сэр Фрэнсис Бэкон (1561 – 1626) мог быть тем самым человеком многих способностей и целей. Будучи не только способным барристером, блестящим придворным, Бэкон обладал тонким знанием парламентских законов и этикета королевского Двора, что превосходно проявляется в шекспировских пьесах. Лорд Веруламский посетил много стран, и этот опыт помог ему в создании колорита, передающего подлинную атмосферу тех мест и времен, которые описаны в пьесах. Однако никаких свидетельств, что Шекспир выезжал за пределы Англии, нет. Таким образом, можем заключить, что поэтическому дискурсу свойственно амплифицировать образ, доводя его практически до совершенства (также как и в обратном ракурсе: образ поэта пестует реципиента, оттачивая во всех смыслах). Об этом ярко свидетельствует стих-комментарий знаменитого татарского поэта Г. Тукая под кратким названием «Гению»:

*On this world **you** witnessed darkness fall,
You had to find a spark, some lofty goal.
Determined to succeed, no thought **you** had of rest,
Marching courageously, passing every test.
What happened to **you** then, it is not clear,
You suddenly looked back, when already near.
The blaze **you** saw came not from light but gold,
Neither life it had nor warmth, nothing but cold.
Of all temptations this is probably the worst,
Seduced were many others, **you** were not the first.
Never look back, **my genius**, only ahead,
A straight path awaits those by Shakespeare led [14, С. 210].*

В первой же строке выделяется прямое обращение к Поэту — свидетелю того, как гиперболическая тьма сомнений (*darkness fall*) окутала современное ему и нам общество. Восьмикратное повторение местоимения *you* свидетельствует о диалогической структуре повествования, но голоса самого Драматурга снова не представлено. В перечисленных пережитых Гением страданиях содержится глубокое сочувствие и пиетет, как Первопроходцу, сумевшего все преодолеть и остаться верным Делу жизни — поэзии.

Ответы эллиптически находятся между строк комментария: чтобы метафорически зажечь искру веры человечества (*to find a spark*), как самую возвышенную цель жизни (*lofty goal*), Шекспир метонимически встает в ряды (снова возникает тема борьбы) отважнейших и проходит испытания (*Marching courageously, passing every test*), не зная покоя и реакций остальных (*no thought you had of rest*: двусмысленность крайней ЛЕ выводит на трехслойное повествование). Но, обернувшись в конце пути (*You suddenly looked back*), рядом не оказалось никого, снова видим инклюзивное местоимение. Свет надежды на счастье для всех, озаривший Шекспира, для многих обернулся отблеском безжизненных, бесчувственных монет (*not from light but gold*), всех сокрушило искушение деньгами. Три антитезы, образующие градацию, снова возвращают человечество к истинным забытым, как выразился С.Я. Маршак «старым» истинам: *blaze — light; gold — cold, life — warmth*.

Последние две строки сонета, как это водится, являются эпиграмматическими, то есть они компилируют весь смысл пережитого и назидают всем, встающим на путь поэзии. Оборачиваться (подстраиваться) не стоит настоящим поэтам: они устремлены в будущее, и все могут быть объединены под именем Шекспира, как синонима бесстрашия и неподкупности истинной Поэзии. Не зря подающих надежду поэтов нарекают *Шекспирами современности*: это и напутствие, и ориентир Высокого пути.

Конечно, историко-литературоведческий метод составления портрета Поэта основан на сопоставлении его текстов с другими текстами Шекспира или его переписки, но в лингвокультурологическом методе важным и единственно верным выступает то, что рекуррентно повторяется на протяжении времени и пространства. Стилистика декодирования рассматривает текст не столько как передатчик замысла создателя, сколько источник информации для реципиента, возбудитель его мыслей, чувств, стремлений. Это основная особенность стилистики декодирования имеет принципиальное значение и противостоит стремлению ограничить восприятие читателя пассивным пониманием образа автора.

Процесс интерпретации концепта задает систему дополнительных кодов, направляющих ассоциативные ряды реципиентов, ориентирующих читателей о том, какую часть тезауруса им следует мобилизовать. Указанное в последней строке имя поэта может вызвать целый поток ассоциаций. В тексте оно уравнивается синонимом «гений», «талант», «Дух Века», «Эпоха». Так, начиная с заглавия, читатель призван сопереживать великому изгнаннику, не распознанного на Родине, осуждаемого толпой, восстанавливая по квантам суть сообщения. Восприятие поэтического текста имеет эмоционально-образную сущность, а настройка на определенное психологическое состояние завершается конвергенцией стилистических приемов.

Как показал тщательно проведенный нами анализ справочной литературы [3], [9], [10], [11], существует 6 образцов рукописей Шекспира. Все они подписаны им; и три из них представляют его завещание. Неряшливый вид, кляксы

говорят о том, что Шекспир не был знаком с пером и что, видимо, он копировал приготовленную для него подпись, или же его рукой кто-то водил. До сих пор не обнаружено ни одного экземпляра его пьесы или сонета, написанного от руки, и этому нет правдоподобных объяснений. Однако в сонете Е.Ю. Пугачевой читаем:

*Неужто о любви все рифмы сложены?
Метафор сокровенных больше нет?
Душа не рождена заложницей! И открыт ее СОНЕТ
Не зря **Шекспир перо** вручил поэтам!
Он жаждал «перьями» украсить целый свет!
И ангелы слетались, как адепты,
Чтоб больше света родилось в ответ!
Чтоб музыка Души звучала в каждом сердце!
Чтоб Мир в пульсации единой
Творил любовь! Искал-искал ответы!
От первых строк до старческой седИны...
Благословляю каждого на созиданье Ласки:
С нее начнём... а дальше все КАК В СКАЗКЕ! [6, С. 124]*

Не странно ли, что Шекспир так и не сыграл главных ролей в знаменитых пьесах, которые он написал? Высшим его достижением была роль Тени отца Гамлета, но Шекспир в России представляет собой странный сюжет. Знакомый с детства, для многих наших соотечественников Шекспир — русский писатель, русский драматург, русский поэт, автор абсолютно русского героя — Гамлета. Шекспир — наш человек, близкий, понятный, но при этом совершенно не разгаданный, будоражащий умы и души и неизменно интересный. Шекспир для нас — абсолютно живой. Он — магнит для интерпретаций: сценических, актерских, режиссерских, переводческих: в лингвокультурном образе Шекспира заложен такой код, который способен объединить всех причастных в некую тайну [1, С. 5]. Л.Н. Толстой точно сформулировал ее: «Тайна искусства состоит в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает испытываемые им чувства, а другие заражаются этими чувствами и переживают их» [8, С. 211].

Заключение

Наиболее релевантным средством вербализации образа Шекспира стал феномен интертекстуального комментирования: названия его произведений, так же как и использование придуманных Шекспиром крылатых слов и выражений способствует значительному расширению зоны семантического покрытия концепта «Шекспир». Выход в зону комментария отвечает на вопрос, почему изучаемый концепт не имеет четких пространственно-временных границ. Весь изученный материал поэтического дискурса свидетельствует об этом: вневременность поддерживается аккумуляцией; внепространственность поддерживается иррадиацией. Аккумуляция состоит в том, что один и тот же мотив, настроение, тема, чувство передается в поэтическом произведении не одним приемом, а сразу целой конвергенцией приемов. Иррадиация заключается в том, что, возникнув на одном участке текста, она может отражаться в другом, несмотря на ее отсутствие там, но на который она воздействует как макроконтекст.

Замечательной особенностью вербализации образа Шекспира стало отсутствие его собственных речевых партий. Это поясняется тем, что сам изучаемый материал, объединенный именем Шекспира, являет собой комментарий к уже сказанному им самим в его произведениях и не воспринимается без них. Рассмотренные тексты не автосемантчны, они реферируют к более глобальному концепту — «Поэзия», частью которого Шекспир, а также упомянутые в статье А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и т.д., безусловно, являются. Всем им присущи лики пророков, рассказчиков, Властителей, политиков, революционеров, хулиганов, рыцарей и заводил. Коммуникативные потребности, интересы и намерения Личности, от которых зависит ее вербализуемый образ, строятся в значительной степени на эмоциях и оценках, поэтому лингвокультурный комментарий проявляется в повышении интереса к эмотивности, модальности, категории оценки. Именно эти средства, при многократном повторении (через семы, слова и темы) образуют яркую референтную отнесенность. Причем их связь осуществляется на всех уровнях и, как выяснилось в ходе представленного исследования, даже преодолевая линейность текста.

Благодарности

Моим детям посвящаю.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.5.1>

Acknowledgement

I dedicate this article to my children.

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.68.5.1>

Список литературы / References

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд; науч. ред. П.Е. Бухаркин. — 4-е изд. — Москва : Ленанд, 2016. — 448 с.
2. Кухаренко В.А. Интерпретация текста : учебник / В.А. Кухаренко. — 4-е изд., перераб. — Москва : Флинта, 2019. — 316 с.

3. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: интерпретация секретных учений, скрытых ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен / М.П. Холл; пер. с англ. В.В. Целищева. — СПб. : СПИКС, 1994. — 793 с.
4. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики / В.В. Похлебкин. — 3-е изд. — Москва : Междунар. отношения, 2001. — 560 с. — ISBN 5-7133-0869-3.
5. Пугачева Е.Ю. Лексико-семантический потенциал ольфакторной лексики в поэтическом дискурсе Шекспира (на примере сонетов) / Е.Ю. Пугачева // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — № 5(65). DOI: 10.60797/RULB.2025.65.19.
6. Пугачева Е.Ю. Сборник стихотворений студентов факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения. И жить торопятся, и чувствовать спешат... / Е.Ю. Пугачева. — Москва : Перо, 2024. — 164 с.
7. Пугачева Е.Ю. Роль символизмов сновидений в донесении концептуальной информации в творчестве У. Шекспира / Е.Ю. Пугачева, У.М. Чалая // Вариативность в языке и культуре. Современные проблемы : материалы междунар. науч. конф. — М., 2023. — С. 104–108.
8. Толстой Л.Н. Что такое искусство? / Л.Н. Толстой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с. — ISBN 978-5-389-21030-1.
9. Шекспир У. Сонеты: антология современных переводов / У. Шекспир; пер. с англ. — СПб. : Азбука-классика, 2005. — 384 с. — ISBN 5-352-01220-4.
10. Borman T. The Private Lives of the Tudors: Uncovering the Secrets of Britain's Greatest Dynasty / T. Borman. — Hodder, 2016. — 448 p. — ISBN 978-1-444-78292-9.
11. Latham-Koeing Ch. English File Advanced Plus Student's Book / Ch. Latham-Koeing, C. Oxenden, K. Chomacki. — 2022. — 215 p. — ISBN 9780194758925.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. — 4th impression. — Harlow : Longman, 2000. — 1568 p.
13. Marsh L. The Wordsworth Book of Limericks / L. Marsh. — Wordsworth Classics Edition, 1997. — 429 p. — ISBN 1-85326-490-3.
14. Tukai G.M. Selected Poetry / G.M. Tukai; comp. R. Bukharaev; transl. R. Bukharaev, I. Genn; project manager L. Shayeh. — Kazan : Tatarstan Book Publishing Company, 2021. — 215 p. — ISBN 978-5-298-04156-0.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arnold I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' [Semantics. Stylistics. Intertextuality] / I.V. Arnold; scientific ed. P.E. Bukharkin. — 4th ed. — Moscow : Lenand, 2016. — 448 p. [in Russian]
2. Kukhareno V.A. Interpretatsiya teksta [Text interpretation] : textbook / V.A. Kukhareno. — 4th ed., rev. — Moscow : Flinta, 2019. — 316 p. [in Russian]
3. Hall M.P. Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejtserovskoy simvolicheskoy filosofii: interpretatsiya sekretnykh ucheniy, skrytykh ritualami, allegoriyami i misteriyami vseh vremen [The Secret Teachings of All Ages: An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy] / M.P. Hall; transl. from English by V.V. Tselishchev. — Saint Petersburg : SPIKS, 1994. — 793 p. [in Russian]
4. Pokhlebin V.V. Slovar' mezhduнародnoy simboliki i emblematiki [Dictionary of International Symbolism and Emblematics] / V.V. Pokhlebin. — 3rd ed. — Moscow : International relations, 2001. — 560 p. — ISBN 5-7133-0869-3. [in Russian]
5. Pugacheva E.Yu. Leksiko-semanticheskiy potentsial ol'faktornoy leksiki v poeticheskom diskurse Shekspira (na primere sonetov) [Lexical-semantic potential of olfactory vocabulary in Shakespeare's poetic discourse (based on sonnets)] / E.Yu. Pugacheva // Russian Linguistic Bulletin. — 2025. — № 5(65). DOI: 10.60797/RULB.2025.65.19. [in Russian]
6. Pugacheva E.Yu. Sbornik stikhotvoreniy studentov fakul'teta romano-germanskiykh yazykov Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. I zhit' toropyatsya, i chuvstvovat' speshat... [Collection of poems by students of the Faculty of Romance and Germanic Languages of the State University of Education. And they hurry to live, and they rush to feel...] / E.Yu. Pugacheva. — Moscow : Pero, 2024. — 164 p. [in Russian]
7. Pugacheva E.Yu. Rol' simvolizmov snovideniy v donesении kontseptual'noy informatsii v tvorchestve U. Shekspira [The role of dream symbolism in conveying conceptual information in W. Shakespeare's works] / E.Yu. Pugacheva, U.M. Chalaya // Variativnost' v yazyke i kul'ture. Sovremennye problemy [Variability in language and culture. Contemporary problems] : Proceedings of the International Scientific Conference. — Moscow, 2023. — P. 104–108. [in Russian]
8. Tolstoy L.N. Chto takoe iskusstvo? [What is Art?] / L.N. Tolstoy. — Saint Petersburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. — 448 p. — ISBN 978-5-389-21030-1. [in Russian]
9. Shakespeare W. Sonety: antologiya sovremennykh perevodov [Sonnets: anthology of modern translations] / W. Shakespeare; transl. from English. — Saint Petersburg : Azbuka-klassika, 2005. — 384 p. — ISBN 5-352-01220-4. [in Russian]
10. Borman T. The Private Lives of the Tudors: Uncovering the Secrets of Britain's Greatest Dynasty / T. Borman. — Hodder, 2016. — 448 p. — ISBN 978-1-444-78292-9.
11. Latham-Koeing Ch. English File Advanced Plus Student's Book / Ch. Latham-Koeing, C. Oxenden, K. Chomacki. — 2022. — 215 p. — ISBN 9780194758925.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. — 4th impression. — Harlow : Longman, 2000. — 1568 p.
13. Marsh L. The Wordsworth Book of Limericks / L. Marsh. — Wordsworth Classics Edition, 1997. — 429 p. — ISBN 1-85326-490-3.
14. Tukai G.M. Selected Poetry / G.M. Tukai; comp. R. Bukharaev; transl. R. Bukharaev, I. Genn; project manager L. Shayeh. — Kazan : Tatarstan Book Publishing Company, 2021. — 215 p. — ISBN 978-5-298-04156-0.